

УДК 930.325
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-48-58

Колонизация Степного края в практической деятельности представителей казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX века

С. А. Абселемов

*Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия*

Аннотация

Выявляются условия и факторы становления казахской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в. в контексте формирования подходов к оценке аграрной колонизации Степного края в национальной историографии. Автором установлено, что социокультурным фоном рефлексии национальной интеллигенции на колониальное доминирование империи стали массовые крестьянские миграции в регион. В условиях имперского продвижения в области Степного края, представления и взгляды первых казахских интеллигентов складывались не только под влиянием российских образовательных и культурных институтов, но и собственных национальных традиций и интересов, активными трансляторами которых являлась местная аристократия. В результате основой казахстанской историографической традиции вопроса стало антиколониальное направление, в масштабах которого аграрное освоение региона рассматривалось как территориальное завоевание.

Ключевые слова

национальная интеллигенция, историографическая традиция, аграрная колонизация

Для цитирования

Абселемов С. А. Колонизация Степного края в практической деятельности представителей казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 48–58. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-48-58

Colonization of the Steppe in the Activities of Representatives of the Kazakh Intelligentsia in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries

S. A. Absелеmov

*Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation*

Abstract

The article examines the materials of the anti-colonial discourse of the second half of the 19th – early 20th centuries, which is based on the ideas of the national intelligentsia of Kazakhstan about the status of the indigenous population of the Steppe Territory in imperial projects and colonization practices. The research of the written sources and activities of the liberal national intelligentsia revealed, that the priority was given to criticism of Russia's imperial policy towards nomadic groups of the population. This paper aims to identify the sociocultural conditions of the formation of the national intelligentsia, as well as the approaches of the early Kazakhstan historiography to the assessment of the factors of the agrarian colonization. As a result, the author found out that implementing the policy of “big Russian nation”, the Russian authorities tried to create the favorable conditions for the natural Russification of the Kazakh elite. The political measures included among the others the involvement in education and management system. Thus the emerging layer of the national intelligentsia actively participated in the imperial activity intended to study of the

© С. А. Абселемов, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

colonization fund, jointly with a detachment of state officials – groups with common signs of professional identity. in the second half of the 19th century, in the period of growing popularity of separatist sentiments in Kazakhstan, the national intelligentsia, educated in the European spirit, actively perceived the ideas of Siberian regionalism, and in the early 20th century – radical leftist parties and movements, which strengthened the anti-colonial the focus of their rhetoric.

Keywords

national intelligentsia, historiographical tradition, agrarian colonization

For citation

Abselemov S. A. Colonization of the Steppe in the Activities of Representatives of the Kazakh Intelligentsia in the 2nd Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 48–58. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-48-58

Обращение к проблеме осмысления сложно структурированного процесса внутренней колонизации России в формате историографического дискурса, предоставляет уникальную возможность, наряду с восстановлением событийной канвы, реконструировать коммуникативное пространство деятельности исследователей, учесть присутствие в текстах не только собственно историографического материала, но и социокультурного фона эпохи. Восстановление интеллектуального пространства деятельности научного сообщества в различные периоды исследования проблем аграрной колонизации региона: акторов, каналов коммуникации, а также идейных позиций и способов их трансляции и репрезентации, открывает перспективы более глубокой рефлексии исследовательского опыта имперского и национального уровней исторического нарратива, как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан, создает перспективы интернационализации исторической науки, внедрения полемических начал в канву историографического дискурса.

Становление историографии Республики Казахстан в контексте долгосрочного обсуждения проблемы колонизации Степного края, как составной части Российской империи, реализовывалось в условиях роста этнического самосознания и идентичности казахской интеллигенции во второй половине XIX в. Очевидно, что формирование национальной интеллигенции в колонизируемом регионе происходило в условиях имперского «оцентрирования» степных территорий, которые продолжительное время являлись эпицентром кочевой культуры и кочевнического образа жизни. Рост идентичности национальной казахской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в., связанный с процессом ее вовлечения в российские образовательные и административно-политические структуры, неизбежно сопровождался влиянием общественно-политических процессов и настроений, получивших распространение в либеральном дискурсе пореформенной эпохи (региональный сепаратизм, право народов на самоопределение, негативное отношение к русификации окраин, как проявлению внутреннего империализма), что определяло формы и содержание реакции образованной части казахского народа на колонизационную деятельность империи в степных областях. Учитывая данные обстоятельства, цель статьи – выявить контекстуальные условия и содержание подходов к оценке причин, хода и результатов аграрной колонизации степных областей Зауралья в практической деятельности казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.

Отметим, что актуализация научного интереса к вопросу о роли и статусе образованной части казахского общества в колонизационном процессе пришлась на 1990-е гг., когда основные усилия казахстанских исследователей были направлены на изучение трудов и биографий представителей национальной интеллигенции конца XIX – первой трети XX в. как наиболее ярких и последовательных сторонников концепции «абсолютного зла». Так, например, в работах Э. Г. Сеитова обстоятельно исследуется роль А. Букейханова в экспедиционной деятельности Ф. А. Щербины [Сеитов, 1996], К. К. Канафин концентрирует внимание на изучении общественно-политической карьеры Р. Марсекова [Канафин, 1999], И. К. Тернова и Р. К. Исетов обратили свои взоры на научные взгляды А. Байтурсынова [Тернова, Исетов, 1998]. Позиция казахской интеллигенции по аграрным вопросам была освещена в труде С. О. Смагуловой [1999].

Позитивное значение вышеназванных исследовательских штудий заключалось не только в восстановлении забытых имен и эпизодов национальной истории, но в возрождении и популяризации широкого круга вопросов аграрной истории Степного края, являвшихся актуальными для интеллектуальной элиты Казахстана второй половины XIX – начала XX в.

Базисом казахстанской национальной историографической традиции являлась антиколониальная направленность исследований, что было связано с имперской окраинной политикой, проектами, ориентированными на инкорпорацию степных территорий в общегосударственный социокультурный и нормативно-правовой контекст.

Можно выделить несколько факторов, оказавших влияние на интенсивность вовлечения представителей коренного этноса в обсуждение вопросов аграрной колонизации Степного края, оформление ключевых идей и концепций, составивших фундаментальные основы казахстанской историографической традиции проблемы.

Во-первых, смещение акцентов колонизационного дела в направлении степных областей (Акмолинской, Семипалатинской) в 1870–1880-х гг., интенсификация миграций, разработка переселенческой программы, моделирование имперских подходов и практик организации административного управления в регионе активизировали процесс мобилизации чиновничьей бюрократии из представителей местного населения. Во второй половине XIX в. присоединение к России крупнейших этнорегионов, в том числе Степного края, превратило империю в государство полиэтничного типа. Потребность в создании универсальной модели управления национальными окраинами, в интересах государственной безопасности и сохранения территориальной целостности, ориентировала власти на лояльное отношение к этническим элитам и организацию регулярного сотрудничества с ее фигурантами. Показательно, что первые представители казахской интеллигенции – Ч. Валиханов, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, братья Х. и Д. Досмухамедовы, М. Жумабаев, М. Тынышпаев, Ш. Кудайбердиев и др., являлись выходцами из среды традиционной степной аристократии [Шаймуханова и др., 2016. С. 330].

В этой связи в имперской системе координат одним из узловых стал вопрос о подготовке национальных управленческих кадров, который был неразрывными нитями связан с задачами социальной и национальной политики на окраинах. Помимо гарантий лояльности по отношению к аристократической элите, империя делегировала «иногородцам» широкие возможности вертикальной социальной мобильности, предполагавшей право свободного межсословного перемещения и занятия любыми видами деятельности.

В сложившейся ситуации первоочередное значение приобретали вопросы образовательной политики на степных окраинах, которые первоначально реализовывались в формате «образование для национальной аристократии», что стало инструментом актуализации роли казахской аристократии и приближенной к ней по социально-имущественному статусу знати из других категорий казахского общества. Уже в середине XIX в. одним из шагов в политике правительства по утверждению верноподданнических настроений среди коренного населения, а также по приобщению его к «цивилизации», было разрешение детям казахской знати, состоящей на государственной службе, поступать в учебные заведения империи [Чуркин, 2018. С. 64]. Через имперскую образовательную модель в разные годы прошли такие видные деятели культуры, общественно-политического движения и науки, как С. Сейфуллин, А. Букейханов, Н. Нурмаков, Х. Кеменгеров и др.

Перемещение на этнотерриторию казахов населения из западных и центральных губерний империи вследствие аграрных миграций, распространение земледельческой культуры увеличивало потребность в профессионально подготовленных и политически сервильных специалистах в разных сферах: управлении, медицине, ветеринарии, образовании и т. д. Казахская молодежь получила возможность обучения не только в официальных учебных заведениях уровня городских школ и училищ, но и в университетах, что значительно расширило пространство культурной и интеллектуальной коммуникации отдельных представителей коренных групп. В результате в казахском обществе сформировалось локальное сообщество людей, образованных по европейским университетским стандартам. Возвращение в родные

места по окончании университетского курса сопровождалось для данной группы лиц и изменением социального статуса. Приобретая статус служащих, представители национальной интеллектуальной элиты, вербовались в ряды имперских экспертов, включались в деятельность общественных организаций, в частности ЗСОИРГО (А. Букейханов), участвовали в издании местной и общесибирской периодической печати (А. Досов, Х. Кеменгеров) и тем самым вовлекались в сферу политической жизни государства.

Следует добавить, что политизация чиновников, мобилизованных империей по национальному признаку, осуществлялась на фоне общественного подъема в России и распространения там народнических и социал-демократических идей. Одной из характерных черт общественной жизни Степного края второй половины XIX в. являлся приток сюда участников освободительных движений, в частности, из Царства Польского, что привело к значительной эскалации коммуникативной сферы национальной интеллигенции. Очередной виток, связанный с перемещением политически неблагонадежных элементов в границы Степного края, произошел в 1881 г., когда было принято правительственное решение о распространении политической ссылки на Степное генерал-губернаторство.

Во-вторых, формирование казахской национальной интеллигенции, как сообщества, занятого в том числе и в сфере вопросов аграрной колонизации, происходило в условиях специфической конфессиональной политики по отношению к региону и «инородческому населению». В XIX столетии в территориальных границах Степного края усилилась роль татарских и среднеазиатских миссионеров. Со второй половины XIX в. власти империи проявляли серьезную озабоченность усиливающимся влиянием татар, составлявших значительную долю городского населения региона, что естественным образом активизировало деятельность государства и церкви в области реализации русификаторских проектов. Н. Н. Балакшин отмечал, что государство, не допуская в степь русских переселенцев и стимулируя процессы седентаризации кочевников, фактически открывает шлюзы для создания «заповедного для русских киргизско-мусульманского государства»¹. Подчеркивая важность задач аграрной колонизации степных областей, имперский эксперт использовал и экстраординарные риторические приемы: «ради защиты Христа от мусульманского изуверства», «водворение русских поселенцев в степных областях... уравнило бы в степях мусульманский элемент русской народностью»².

Высказываемые имперскими чиновниками опасения в конечном счете оказались не беспочвенными, а влияние мусульманского фактора на сознание казахского населения более существенным, нежели практики христианского прозелетизма. По констатации исследователя Ю. А. Лысенко, деятельность Киргизской православной миссии в Степном крае в 1880–1890-х гг. не имела успеха, поскольку в этот период конфессиональная принадлежность перестала играть роль формального признака и критерия при определении льготного правового статуса подданного и его административного положения... а переход в православие уже не рассматривался как «социальный лифт» [Лысенко, 2012. С. 60]. Однако у этого явления была и оборотная сторона, поскольку национальная идентичность – продукт не только светского, но и религиозного воздействия. В данном отношении, седентаризация, а также имперские практики, направленные на воспитание привязанности к русской культуре, отказу от бытовых привычек и традиционного образа жизни в системе русифицированного просветительства Н. И. Ильминского, существенно амортизировались влиянием мусульманских концепций, в основном сегменте которых отстаивались идеи антиколониализма [Ковалышкина, 2005. С. 85–86]. Все вышеозначенное выполняло важную функцию при формировании идей и представлений казахских просветителей на рубеже XIX–XX вв.

Резюмируя, отметим, что процесс складывания мыслящего сословия в Степном крае реализовывался в условиях сложного переплетения социокультурных, политических и конфессиональных факторов. Пожалуй, главной особенностью, своеобразным сословно-культурным

¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1. Л. 38.

² Там же. Оп. 8. Д. 13315. Л. 652–652 об.

фоном формирования национальной интеллигенции региона, являлось сохранение доминанты султанских фамилий, представители которых были связаны кровным родством и взаимопомощью. С началом продвижения Российской империи в степные области во второй половине XIX в., аристократия, переживая имущественное разорение, стремилась к сохранению своего статуса путем контактов и слияния с имперской бюрократией и государственной властью. В результате, представления казахской интеллигенции оформлялись, с одной стороны, в обстоятельствах мощного влияния русской культуры, что материализовалось в вовлечении национальных кадров в государственную деятельность, с другой – испытывали воздействие со стороны теоретиков и практиков исламизма, что способствовало распространению антиколониальных и отчасти антирусских настроений.

Общепризнанным идейным вдохновителем казахской национальной интеллигенции являлся Ч. Ч. Валиханов, формирование личности которого происходило на стыке русской и казахской культур. Окончив Сибирский кадетский корпус, он служил в должности адъютанта Западно-Сибирского генерал-губернатора Г. Гасфорда. В дальнейшем принимал участие в экспедиционной работе, собрав обширный этнографический материал о казахах Среднего жуза, их землепользовании, взаимоотношениях с казачеством [Валиханов, 1984. С. 71–76].

Одним из ключевых вопросов, связанных с оценкой перспектив аграрной колонизации степных областей в общественно-политической и научной рефлексии Ч. Валиханова, являлась проблема исламизации коренного населения. Разделяя опасения имперской администрации по поводу усиления мусульманского влияния на казахское население, исследователь резко критиковал планы правительства, связанные с насаждением христианства, деятельностью православных миссий, направленных на крещение казахов, с последующим их переселением в пограничные районы, подчеркивая, что «...мера эта, похвальная в христианском смысле, в политическом отношении была бы величайшей ошибкой» [Там же. С. 195].

В эпистолярном наследии Ч. Ч. Валиханова достаточно четко зафиксировано и скептическое отношение к деятельности колониальной администрации в отношении инородцев, имеющей антиправовой, личностный характер, что во многом оказало влияние на позиции его последователей. Так, в письме к Ф. М. Достоевскому, обсуждая действия чиновника администрации Фредерикса, освободившего за взятку двух арестантов, Валиханов отметил, что «законы у нас на Руси, пока еще пишутся не для генералов... а эти генералы с инородцами в Сибири делают, что хотят, разве только собаками не травят...» [Там же. С. 154].

Критически оценивалась Ч. Ч. Валихановым экономическая и налоговая политика колониальной администрации в Степном крае. Так, по мнению Валиханова, общая практика передачи в частную собственность пастбищных угодий наносила вред традиционному скотоводческому промыслу основной части коренного населения. Столь же негативным было его мнение и относительно податной политики администрации, в частности кибиточного сбора и ямской повинности, объявляемых Валихановым избыточными, несправедливыми и разорительными [Там же. С. 199, 222, 225].

Следует подчеркнуть, что служебная и общественно-политическая карьера Ч. Ч. Валиханова развивалась по двум траекториям. Выполняя функции имперского служащего, по сути правительственного эксперта, исследователь сохранял коммуникативные контакты с представителями казахской интеллигенции. Участвуя в экспедиционной деятельности, он соприкасался с реальными нуждами коренного населения. Такого рода дуализм был типичен для передовой национальной интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. и являлся результатом образовательной и национальной политики Российской империи на окраинах. Признавая прогрессивную роль российского присутствия в степном регионе для судеб коренных народов, Ч. Ч. Валиханов сформулировал общий алгоритм воззрений образованной части этноса на колониационный процесс, в соответствии с которым правительственным органам и чиновникам следует осуществлять инкорпоративную работу в пределах гуманности и человеческого отношения.

Развитие антиколониального направления связано с именем А. Н. Букейханова в конце XIX – первой четверти XX в. Получив светское образование (окончил Омское техническое училище (1888), экономический факультет Санкт-Петербургского лесотехнического института (1894)), А. Н. Букейханов принимал активное участие в публицистической и исследовательской деятельности, являясь с 1894 г. членом редакции и корреспондентом газеты «Степной край», выпускаемой в Омске. Симптоматично, что включение Букейханова в состав редакции газеты совпало по времени с кадровыми изменениями в издании. Возглавил редакцию П. Б. Ящеров – член РГО, участник польских событий 1863 г., представитель либерального сегмента сибирской интеллигенции. А. Н. Букейханов, включившись в общественную жизнь города и региона, принял в качестве эксперта участие в экспедициях по исследованию степных областей [1902]. В частности, в период с 1896 по 1903 г. Букейханов работал в составе экспедиционного отряда Ф. Щербины, результатом работы которого стало изучение Степного края в колониационном отношении, что завершилось изданием 12 томов материалов, собранных и обработанных экспедиционерами [Материалы..., 1902]. По свидетельству коллег-экспедиционеров, Букейханову принадлежала заслуга в подготовке примечаний к общинно-аульным группам, установлении естественно-исторических районов Степного края, составлении таблиц перекочевков коренных жителей, а также алфавитного указателя киргизских слов и выражений [Попов, 1992. С. 3].

По окончании работы экспедиции в 1903 г. А. Н. Букейханов принял участие в составе научной экспедиции по экономическому обследованию прилегающих к Сибирской железной дороге районов под руководством С. П. Швецова, сосредоточив внимание на исследовании животноводческого хозяйства казахов в связи с аграрными переселениями в Сибирь и Степной край. С 1904 г. А. Н. Букейханов служит в должности статистика Омского переселенческого управления, участвуя «в разработке норм киргизского землевладения и землепользования» [Асылбеков, Сеитов, 2003. С. 38].

Именно в указанный временной промежуток 1894–1904 гг. в основном сформировались представления А. Н. Букейханова о содержательных аспектах аграрной колонизации региона.

Одна из ключевых идей исследователя заключалась в обосновании и констатации изначальных преимуществ переселенческих хозяйств в Степном крае, что находило выражение в финансовой поддержке со стороны правительства и косвенно способствовало разрушению традиционных устоев «инородческих» экономических структур. А. Н. Букейханов указывал на опасность, возникавшую в связи с диспропорциональным распределением мигрантов из Европейской России в колонизируемом регионе. Опираясь на материалы губернаторских отчетов за 1905 г., по данным которых в Акмолинской области насчитывалось казахов – 484 456 чел., крестьян – 205 515 чел., в процентном отношении крестьян к казахам – 42 %, Букейханов с тревогой отмечал, что за последние три года, особенно в 1907 г., наплыв переселенцев вырос настолько, что приведенные соотношения изменились существенно в пользу крестьян. В частности, по данным переселенческого управления в 1907 г. переселилось в Акмолинскую область 12 000 семей. Комментируя сложившееся положение, А. Букейханов констатировал факт наличия там земельного утеснения кочевников, которое «...довело казахов, до сопротивления властям» [Букейханов, 1910. С. 326,327].

Отношение А. Н. Букейханова к земельному вопросу в связи с переселенческим движением произрастало из его богатейшего экспедиционного опыта, в центре которого находились исследования скотоводческих хозяйств «инородцев» Степного края. Анализируя итоги обследования хозяйственной жизни казахов, А. Н. Букейханов, например, констатировал, что в Каркаралинском уезде население имеет различные промыслы: 12 % включены в земледелие, 27 – задействованы в неземледельческих промыслах, 4 % – джатаки. По мнению Букейханова, процесс наделения казахов земельными угодьями был губительным, поскольку «если казахи возьмут земельные участки, то они не смогут правильно воспользоваться ею и будут вынуждены продать, как это сделали башкирцы, и через несколько лет останутся без земли» [Там же. С. 24].

Особым предметом размышлений и публицистической реакции видного казахского просветителя являлась тема правового обеспечения русской колонизации в Степном крае. По разумению А. Н. Букейханова, введение Степного положения 1891 г., созданного бюрократическим путем, привело население к обеднению, а его культурное развитие к застою [Букейханов, 1910. С. 595]. Обрисовывая перспективу земледельческого освоения степных областей в границах имперского подхода, А. Н. Букейханов указывал, что нерациональные, экстенсивные приемы землепользования в итоге приведут к вырождению пашенных угодий [Там же. С. 585].

В целом А. Н. Букейханов, характеризуя процесс инкорпорации Степного края в состав Российской империи, определяет его как «захват», выделяя в качестве разновидностей такового – вольную и правительственную колонизацию. Букейханов критически относился к концепции об особой цивилизаторской роли русских в Степном крае. По его мнению, «первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения, и первые завоеватели были совершенно неподготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью... Они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы – грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств» [Там же. С. 587].

Антиколониальное направление в дореволюционной историографии аграрной колонизации Степного края, основные положения которого были сформулированы А. Н. Букейхановым, приобретает масштаб политической теории и практики в первое десятилетие XX в., что имело непосредственную связь с процессом консолидации национальной интеллигенции и активным ее вовлечением в общественно-политическую жизнь региона и Российской империи. Так, А. Н. Букейханов в 1905 г. был избран депутатом в I Государственную думу по Семипалатинскому округу, принял участие в составлении Выборгского манифеста, осуждающего роспуск Думы. Исследователи склонны полагать, что именно с этого документа начинается активная политическая деятельность А. Букейханова [Аюпова, Құсайынов, 2017]. В российских газетах регулярно публикуются его статьи с критикой колониальной политики и деятельности местной бюрократии. Фактором пробуждения национального самосознания казахов и организации их просветительской деятельности стала газета «Казах», первое в истории Степного края общенациональное периодическое издание, активное участие в создании и функционировании которого приняли лидеры казахского национального движения А. Букейханов, А. Байтурсынов и М. Дулатов. Политизации мировоззрения национальной интеллигенции сопутствовали и события первой русской революции 1905–1907 гг., вследствие чего Омск становится главным очагом национально-освободительного движения. В 1905 г. под руководством А. Н. Букейханова на Кояндынской ярмарке была подготовлена «Каркаралинская петиция», основным пафосом которой стала критика системы местного управления, образовательной политики в отношении коренного населения, имперских практик организации землепользования «инородцев», что дало возможность исследователям говорить о ее программном общеказахском характере, заложившем основы алашского движения [Брайнин, Шафира, 1935. С. 17]. Показательно, что в этот период усилиями творческой казахской интеллигенции, в частности М. Дулатова, в казахскую национально-политическую риторику проникают и наполняются дополнительными коннотациями такие понятия, как «самосознание», «самоуправление», «самодеятельность», «сатрапия», что наглядно свидетельствует о росте и завершении формирования национальной идентичности казахской интеллигенции [Дулатулы, 1991].

Показательным, с точки зрения эволюции взглядов и представлений национальной интеллигенции, на наш взгляд, является следующее высказывание А. Н. Букейханова: «В ближайшем будущем, в казахской степи среди киргиз возможно появление, в соответствии с двумя политическими направлениями, двух политических партий. Одна из них под названием национально-религиозной будет ставить своей целью объединение казахов с другими мусульманами. Другая – западного направления... Если первая в качестве образца будет иметь му-

сульманские татарские партии, то последняя – русскую оппозиционную, а именно “партию народной свободы”» [Букейханов, 1910. С. 528].

В условиях, когда часть казахской интеллигенции начинает активное сотрудничество с представителями мусульманских движений, А. Н. Букейханов и его соратники предпринимали попытки отстаивать достижения западной цивилизации при условии сохранения национальной самобытности, посредством легального участия в общественно-политической жизни. Тем не менее регулярное участие казахских общественных деятелей в работе мусульманских религиозно-политических организаций, усиление влияния «джададизма» в казахской среде ориентировали представителей либеральной интеллигенции на использование мусульманских съездов в качестве политической трибуны, тем более, что эти съезды проводились в самом центре империи, в Санкт-Петербурге. Так, А. Н. Букейханов, выступая на очередном съезде мусульманских представителей в 1914 г., в сравнительном анализе положения казахского населения до столыпинской реформы и в последующий период констатировал общее ухудшение их состояния, поставив вопрос о необоснованном политическом давлении имперской власти на казахское население.

Активная общественно-политическая деятельность представителей образованного сословия Степного края, контактная среда, в которой эта работа осуществлялась, способствовала формированию идеи национально-культурной автономии, первым шагом к осуществлению которой, по мнению А. Букейханова и М. Дулатова, могли стать практики развития местного самоуправления. В частности, Букейханов и Дулатов полагали, что местное самоуправление в степных областях может быть осуществлено в форме земства.

Для исследуемого периода в целом характерно включение в антиколониальный дискурс широкого слоя казахской интеллигенции, сформировавшейся после событий 1905–1907 гг., для которого предметом обсуждения становятся наиболее «травматические» сюжеты аграрной колонизации Степного края. К числу таковых, безусловно, относились нормативно-правовые установления и практики, ограничивающие коренное население в хозяйственно-экономическом отношении.

Так, М. Тынышпаев полагал, что киргизская степь находится в особых культурных, социально-политических и общественно-экономических условиях и управляется на основании особых законоположений, оценивая ситуацию следующим образом: «Киргизы, принимая русское подданство, никогда не думали и даже не допускали мысль, что в семье русского народа они окажутся пасынками, не имеющими никакого права на материнскую заботу и любовь со стороны России. Политика правительства и современное состояние киргизов ясно показали, насколько обманулись киргизы в своих ожиданиях [Тынышпаев, 1925. С. 21].

А. Байтурсинов в ряде своих работ подчеркивал системность нарушений со стороны чиновников метрополии при решении вопроса о земле, судебных исках киргиз, школьного и духовного дел, выборах волостных управителей и аульных старшин. Наиболее предметной критике им был подвергнут вопрос об избирательном праве в «инородческой» среде. Исследователь справедливо указывал на индифферентность имперских властей в организации выборов, смысл которых не доводится до коренного населения. Байтурсинов указывал, что большинство казахов не понимают сам процесс выборов, определяя этот процесс как состязание (талас), а не избрание достойного и компетентного представителя, думающего о народных нуждах [Субханбердина и др., 1998. С. 21].

Таким образом, вторая половина XIX – первая четверть XX в. – время становления и институционализации национальной казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края. Социокультурным фоном данного процесса являлась ширящаяся практика крестьянских переселений в степные области и встраивание региона в систему общеимперского административного управления. Государственные проекты «оцентрирования» инициировали новые подходы к реализации имперских принципов национальной политики, основу которой в Степном крае составляли практики русификации, ориентированные на слияние народностей в единую «большую русскую нацию». Национальная интеллигенция Степного края формировалась в условиях влияния российских образовательных и культур-

ных структур, при этом представители образованного класса национальных меньшинств, мобилизуемые, прежде всего, из казахской элиты, помимо культурных ценностей колонизаторов, усваивали собственные национальные традиции, имевшие в аристократической среде непреходящую ценность и значение.

В результате тема аграрной колонизации региона в трудах казахских просветителей, общественных деятелей, литераторов, ученых разрабатывалась в дискурсе антиколониальной риторики, а их авторам было свойственно обнаружение и тиражирование наиболее «травматических» точек колониального процесса. Очевидно, что радикализация российского общественно-политического движения, в том числе и в аспекте влияния идеологов сибирского регионализма (областников), до некоторой степени способствовала усилению антиколониальной тенденции в национальной казахстанской историографии, развившейся впоследствии в концепцию «абсолютного зла».

Список литературы

- Асылбеков М. Х., Сейтов Э. Т.** Алихан Букейхан – общественно-политический деятель и ученый. Алматы, 2003. 148 с.
- Аюпова З. К., Құсайынов Д. У.** Алаш қозғалысы және қазақ қоғамындағы саяси сананың серпілісі [Движение «Алаш» и возрождение политического сознания в казахском обществе] // Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университетінің хабаршысы [Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета]. 2017. № 3 (35). С. 16–25 (на казах. яз.)
- Брайнин С., Шафиро Ш.** Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата: Казахстанское краевое изд-во, 1935. 226 с.
- Канафин К. К.** Раимжан Марсеков. Формирование мировоззрения. Общественно-политическая деятельность (1879–1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 28 с.
- Ковалышкина Е. П.** «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 326 с.
- Лысенко Ю. А.** К вопросу о социальном статусе новокрещенных казахов Омского Прииртышья (XIX – начало XX в.) // I Ядринцевские чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева. Омск, 2012. С. 59–63.
- Попов Ю.** Алихан Букейханов: возвращение имени // Рассвет. 1992. 14 нояб. С. 3.
- Сейтов Э. Г.** Букейханов А. Н. как историк и общественно-политический деятель: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1996. 28 с.
- Смагулова С. О.** Национальная интеллигенция и аграрный вопрос в Казахстане в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 25 с.
- Субханбердина У., Даутов С., Сахов К.** Қазақ газеті. Алаш азаматтарының рухына бағышталады [Газета на казахском. Алаш-орда как национально-политическое движение]. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. 560 с. (на казах. яз.)
- Тернова И. К., Исетов Р. К.** Жизнь, озаренная борьбой. Посвящена 125-летию со дня рождения Ахмета Байтурсынова. Костанай: Костанайский печатный двор, 1998. 75 с.
- Чуркин М. К.** Коренное население Омского Прииртышья в колониальном дискурсе и имперской образовательной политике второй половины XIX – начала XX в. // Материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) «Тобольск научный – 2018». Тобольск, 2018. С. 135–142.
- Шаймуханова С. Д., Ерденбекова Ж. С., Муратбекқызы Б. С.** Вклад Алихана Букейханова в политическую и научно-исследовательскую деятельность Казахстана // International journal of applied and fundamental research. 2016. № 5. С. 330.

Список источников

- Букейханов А. Н.** «Киргизы» // Формы национального движения в современных государствах / Под ред. А. И. Костелянского. СПб., 1910. 596 с.
- Букейханов А. Н.** Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 года. Омск, 1902. 27 с.
- Валиханов Ч. Ч.** О мусульманстве в степи // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 4. С. 71–76.
- Дулатулы М.** Шығармалары [Избранное]. Алматы: Жазушы, 1991. 384 с. (на казах. яз.)
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902. 401 с.
- Тынышпаев М.** Материалы по истории казахского народа. Ташкент, 1925. 263 с.

References

- Asylbekov M. Kh., Seitov E. T.** Alikhan Bukeikhan – obshchestvenno-politicheskii deyatel' i uchenyi [Alikhan Bukeikhan – Social and Political Figure and Scientist]. Almaty, 2003, 148 p. (in Russ.)
- Ayupova Z. K., Kusainov D. U.** Alash қозғалысы және қазақ қоғамындары саяси санану сәпилісі [Alash Movement and the Renaissance of the Kazakh Society Political Consciousness]. *Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университетінің хабаршысы [Bulletin of Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University]*, 2017, no. 3 (35), p. 16–25. (in Kazakh.)
- Brainin S., Shafiro Sh.** Ocherki po istorii Alash-Ordy [Essays about the History of Alash-Orda]. Alma-Ata, Kazakhstanskoe kraevoe izdatel'stvo, 1935, 226 p. (in Russ.)
- Churkin M. K.** Korennoe naselenie Omskogo Priirtysh'ya v kolonizatsionnom diskurse i imperskoi obrazovatel'noi politike vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [The Indigenous Population of Omsk Irtysh Region in the Colonization Discourse and the Imperial Educational Policy of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: Materialy XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) “Tobol'sk nauchnyi – 2018” [Proceedings of XV All-Russian Scientific-Practical Conference (With International Participation) “Scientific Tobolsk – 2018”]. Tobolsk, 2018, p. 135–142. (in Russ.)
- Kanafin K. K.** Raimzhan Marsekov. Formirovanie mirovozzreniya. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1879–1922 gg.) [Raimzhan Marsekov. Formation of the Worldview. Social and Political Activities (1879–1922)]. Abstract of Diss. Cand. of Hist. Sci. Almaty, 1999, 28 p. (in Russ.)
- Kovalyashkina E. P.** «Inorodcheskii vopros» v Sibiri. Kontseptsii gosudarstvennoi politiki i oblastnicheskaya mysl' [The Issue of “inorodtsy” in Siberia. The Concept of Public Policy and Siberian Separatists]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2005, 326 p. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A.** K voprosu o sotsial'nom statuse novokreshchennykh kazakhov Omskogo Priirtysh'ya (XIX – nachalo XX v.) [Issue of the Social Status of the Newly Baptized Kazakhs in Omsk Irtysh Region (19th – Early 20th Centuries)]. In: I Yadrntsevskie chteniya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 170-letiyu so dnya rozhdeniya N. M. Yadrntseva [I Yadrntsev Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference, Dedicated to 170th Anniversary of N. M. Yadrntsev]. Omsk, 2012, p. 59–63. (in Russ.)
- Popov Yu.** Alikhan Bukeikhanov: vozvrashchenie imeni [Alikhan Bukeikhanov: Return of the Name]. *Rassvet [Dawn]*, 1992, Nov. 14, p. 3. (in Russ.)
- Seitov E. G.** Bukeikhanov A. N. kak istorik i obshchestvenno-politicheskii deyatel' [Bukeikhanov A. N. as a Historian and Social and Political Activist]. Abstract of Diss. Cand. of Hist. Sci. Almaty, 1996, 28 p. (in Russ.)
- Shaimukhanova S. D., Erdenbekova Zh. S., Muratbekkyzy B. S.** Vklad Alikhana Bukeikhanova v politicheskuyu i nauchno-issledovatel'skuyu deyatel'nost' Kazakhstana [The Contribution

- of Alikhan Bukeikhanov to the Political and Research Activities of Kazakhstan]. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2016, no. 5, p. 330. (in Russ.)
- Smagulova S. O.** Natsional'naya intelligentsiya i agrarnyi vopros v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX veka [National Intelligentsia and the Agrarian Question in Kazakhstan in the late 19th – Early 20th Century]. Abstract of Diss. Cand. of Hist. Sci. Almaty, 1999, 25 p. (in Russ.)
- Subkhanberdina U., Dautov S., Sakhov K.** Қазақ газеті. Алаш азаматтарының рухына баяндалды [Newspaper in Kazakh. Alash-Orda as a National-Political Movement]. Almaty, Қазақ энциклопедиясы, 1998, 560 p. (in Kazakh.)
- Ternova I. K., Isetov R. K.** Zhizn', ozarennaya bor'boi. Posvyashchena 125-letiyu so dnya rozhdeniya Akhmeta Baitursynova [Life, Illuminated by the Struggle. Dedicated to the 125th Birthday Anniversary of Akhmet Baitursynov]. Kostanay, Kostanaiskii pechatnyi dvor, 1998, 75 p. (in Russ.)

Sources

- Bukeikhanov A. N.** “Kirgizy” [“Kyrgyz People”]. Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh [Forms of National Movement in Modern States]. St. Petersburg, 1910, 596 p. (in Russ.)
- Bukeikhanov A. N.** Svedeniya o kirgizskom khozyaistve Stepnogo kraya k 15 yanvarya 1902 goda [Information about the Kyrgyz Economy of the Steppe Region by January 15, 1902]. Omsk, 1902, 27 p. (in Russ.)
- Dulatuly M.** Shygarmalary [Selected Works]. Almaty, Zhazushy, 1991, 384 p. (in Kazakh.)
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei. Akmolinskaya oblast'. Omskii uezd [Materials about Kyrgyz Land Use, Collected and Developed by the Steppe Exploration Expedition. Akmolinskaya Region. Omsk County]. Omsk, 1902, 401 p. (in Russ.)
- Tynysbaev M.** Materialy po istorii kazakhskogo naroda [Materials about the History of the Kazakh People]. Tashkent, 1925, 263 p. (in Russ.)
- Valikhanov Ch. Ch.** O musul'manstve v stepi [About Islam in the Steppe]. In: Valikhanov Ch. Ch. Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 5 vols. Alma-Ata, 1984, vol. 4, p. 71–76. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
18.12.2018

Сведения об авторе

Абселемов Серикхан Ахметович, соискатель кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета (наб. Тухачевского, 14, Омск, 644099, Россия)
abselemovserikhan@yandex.ru

Information about the Author

Serikhan A. Abselemov, Applicant, Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University (14 Tukhachevsky Emb., Omsk, 644099, Russian Federation)
abselemovserikhan@yandex.ru